

Глава 8

Цзи Циньюй покачал головой, пытаясь подняться, но его ноги онемели. Игнорируя дискомфорт, он в панике потянулся за телефоном.

Фу Хань подошел к Цзи Циньюю и поднял его на руки. Цзи Циньюю не оставалось ничего другого, как обхватить Фу Ханя за спину и нервно прошептать: «Я могу ходить, я могу ходить сам».

Фу Хань не обратил на него внимания и вынес его из комнаты. Цзи Циньюй цеплялся за него, как ленивец, пока Фу Хань осторожно не уложил его на диван.

Прежде чем Цзи Циньюй успел полностью собраться с мыслями, кто-то подошел с медицинской сумкой — это был врач. Цзи Циньюй с беспокойством посмотрел на Фу Ханя, не понимая его намерений.

Он что-то обнаружил? Поэтому он так злился? Он узнал об аборте? Как это возможно? Это было бы необыкновенным проникновением...

«Осмотрите его горло и заднюю часть шеи, и будьте внимательны», — проинструктировал Фу Хань.

Осмотр не занял много времени. Врач снял перчатки и осмотрел рану на задней части шеи: «Рана на шее уже зажила. Она довольно глубокая. Как только струп отпадет, нанесите мазь для уменьшения рубцов. Но, к сожалению, голосовые связки не подлежат восстановлению».

Цзи Циньюй сидел, чувствуя себя ошеломленным. Он поинтересовался этим сразу после травмы и с тех пор консультировался с различными врачами, постепенно теряя надежду. Тем не менее, услышав этот вывод снова, он почувствовал остаточную меланхолию. Через мгновение ему показалось, что маленькое шило коснулось его сердца.

Врач достал оборудование для визуализации: «Господин Фу, пожалуйста, посмотрите. Голосовые связки серьезно повреждены. Тот факт, что ваш муж стоит перед вами в полном здравии и все еще может говорить, — действительно лучший из возможных исходов».

«Есть ли какой-то способ улучшить ситуацию?» — спросил Фу Хань.

«...Пейте больше средств, успокаивающих горло. Я выпишу вам лекарство», — сказал врач. «Но не надейтесь слишком сильно... Сохранение текущего состояния уже является успехом».

«Я плачу вам значительную сумму, чтобы вы не были некомпетентными», — заявил Фу Хань, совершенно неразумно. Его пальцы ритмично постукивали, а выражение лица было нечитаемым. «Если все, что вы можете сделать, — это сохранить статус-кво, то можете

собирать вещи и уходить».

Врач вытер лоб и тихо сказал: «Но, господин Фу, некоторые повреждения просто необратимы. Раз они есть, то они есть... Независимо от того, сколько власти или влияния вы имеете, вы не можете повернуть время вспять».

После того, как врач закончил выписывать рецепт и ушел, дав инструкции Цзи Цинъюю, пристальный взгляд Фу Ханя остановился на нем: «Что случилось с твоим голосом?»

Цзи Цинъюй сидел, скрестив руки, и молчал.

«Почему твой брат пел твои песни на своем концерте?» — продолжил Фу Хань. Цзи Цинъюй сидел на диване, по спине у него выступил холодный пот. Он понял, что Фу Хань, должно быть, видел звонок Цзи Жаня утром, и, учитывая любовь Фу Ханя к песням Цзи Жаня, неудивительно, что он смог соединить все точки.

Он хотел придумать оправдание, но Фу Хань был слишком близко. У Цзи Цинъюя в голове возникла пустота.

«Даже если ты мне не скажешь, я сам все узнаю. Будь послушным». Цзи Цинъюй отшатнулся от удивления, но его потянули назад. Фу Хань опустил взгляд и приказал: «Говори».

Сердце Цзи Цинъюя забилось чаще. В этой конфронтации между ними он быстро оказался в невыгодном положении. Он знал, что будет трудно скрыть правду, но если Цзи Жаню нельзя доверять, то можно ли доверять Фу Ханю? Оба они были мстительными людьми; обидеть любого из них означало навлечь на себя неприятности.

«Я случайно повредил голос после того, как бросил школу. Я продал песни Цзи Жаню за деньги», — сказал Цзи Цинъюй, его голос дрожал, он изо всех сил пытался сохранить самообладание. «Это все».

Фу Хань не ответил, вместо этого он провел пальцем по мочке уха Цзи Цинъюя, а затем перешел к нежному ушному хрящу. Он ритмично сжимал его, как будто размышляя о правдивости слов Цзи Цинъюя.

Цзи Цинъюй вздохнул про себя, прислонившись лицом к руке Фу Ханя. Сжав зубы, он произнес слова, в которые даже сам не мог поверить: «Я люблю тебя. Я не осмелюсь лгать тебе».

Независимо от того, оттолкнули ли его эти слова или нет, Фу Хань резко отпустил его. «Если позже возникнут споры по поводу этих песен, ты хочешь потянуть за собой всю семью Фу?»

Вероятно, он просто беспокоится, что из-за этого пострадает репутация Цзи Жаня, подумал Цзи Цинъюй. «Прости. Я не знал, что женюсь на тебе. К тому же Цзи Жаню это не принесло

никаких последствий. Пожалуйста, успокойся».

Фу Хань замолчал, его тон неожиданно ухудшился. «Сколько он за них заплатил?»

«...Сорок тысяч юаней».

«Диван, на котором ты сидишь, стоит больше сорока тысяч». Фу Хань тяжело выдохнул и внезапно разбил фарфоровую чашку цвета слоновой кости на кухонном острове. «Эти песни стоят так мало по-твоему?»

Цзи Цинъюй замолчал.

«Тебе больше не нужно об этом беспокоиться», — Фу Хань встал. Цзи Цинъюй поднял глаза и увидел, что он хмурится, не скрывая своего презрения. «Обладать хитростью, чтобы интриговать против меня, и все же закончить так — ты действительно уникален».

Цзи Цинъюй сжал губы, не чувствуя боли, только онемение. В ушах зазвенело, и его внимание начало рассеиваться.

Голос Фу Ханя донесся до него, когда он просил тетю Ван приготовить грушевое пюре, тщательно проверяя с ней рецепты врача.

Затем Фу Хань приложил телефон к уху, по-видимому, связываясь с кем-то. Его шаги стали отдаленными. Цзи Цинъюй наблюдал за его высокой, прямой фигурой и на мгновение вспомнил прошлое.

Во втором классе средней школы талант-шоу прошло гладко. Фу Хань не выступал; программа была изменена на фортепианное соло и пение Цзи Цинъюя в одиночку.

Изменение было сделано в последнюю минуту. Ходят слухи, что в семье Фу Ханя что-то произошло, и ему пришлось срочно уехать, чтобы разобраться с этим, оставив учителя и всех остальных в затруднительном положении.

Цзи Цинъюй был вынужден выступить. Хотя он работал в концертном зале и регулярно играл на фортепиано на сцене, он никогда раньше не пел.

Он очень нервничал. В тот момент, когда он начал петь, вся аудитория замолчала, а затем взорвалась.

Его взгляд был прикован только к микрофону и клавишам фортепиано. Это выступление вызвало бурю восторга во всей школе.

Во время поклона Цзи Цинъюй заметил Фу Ханя, стоящего в дальнем углу зала.

Среди стольких людей Цзи Цинъюй видел только его — как дух из ужастиков, похищающий души, наклонивший голову в темноте и улыбающийся Цзи Цинъюй. Затем он исчез, скрывшись в тени, как будто его и не было.

Цзи Цинъюй стоял на сцене, ошеломленный.

Его фан-клуб распространился от концертного зала до школы, но Цзи Цинъюй не чувствовал себя комфортно и не особо любил это.

Подарки постоянно появлялись в его столе. Однажды он открыл один из них, и из него выпала порнографическая книга — тела альфа-самцов и омега-самцов, переплетенные друг с другом. Он отпустил ее, как будто его укусила шершень, засунул книгу в самый задний угол стола, а позже попросил президента фан-клуба запретить людям посылать ему подарки.

Он остался прежним — замкнутым, избегающим толп.

Постепенно его имя исчезло со стены признаний в школе, и жизнь, казалось, успокоилась. Он наконец вздохнул с облегчением.

Волнение старшеклассников было мимолетным, тем более что его личность не вызвала особой симпатии. Дело скоро утихло, и наступило другое, более важное событие — спортивные соревнования, которые закончились прямо перед летними каникулами.

Цзи Цинъюй не был хорош в спорте. Во время таких групповых мероприятий он обычно находил место, где мог посидеть в одиночестве, или уходил прогуляться. Но почему-то он вспомнил о порнографической книге, пылящейся в его столе.

Когда никого не было рядом, он вернулся в класс и спрятался в самом отдаленном уголке небольшого школьного парка, чтобы прочитать ее.

Он видел подобные вещи и раньше. Это было неловко — до того, как он проявил свой вторичный пол, брат Ма из соседней фруктовой лавки показал ему порнографический фильм с двумя бетами. Он представил себя на их месте, но не нашел в этом ничего интересного. Двое в фильме интенсивно стонали, достигая кульминации, и брат Ма, увидев, что он встал, чтобы уйти, крикнул, спросив, все ли с ним в порядке.

Но эта книга все больше и больше увлекала его.

Он никогда не знал, что альфам и омегам приходится делать такие вещи. Зубы альфы были такими острыми — разве это не больно? Омега выглядели так, будто они испытывали мучительную боль.

Он бессознательно прикусил палец, чувствуя одновременно страх и сильную сосредоточенность, переворачивая страницы.

Но в тот день ему не везло. На книгу упала тень. Подумав, что сейчас пойдет дождь, Цзи Циньюй поднял глаза и увидел лицо Фу Ханя. Оно было так близко, что впечатление было ошеломляющим.

Он замер, медленно реагируя, затем покраснел и поспешно попытался схватить книгу, но Фу Хань первым вырвал ее из его рук.

Цзи Циньюй вскочил, чтобы вернуть ее, крича: «Это мое!»

Фу Хань поднял ее высоко, дразняще покачивая перед Цзи Циньюем. В смятении Цзи Циньюй потянул Фу Ханя за рукав униформы, покраснев и задыхаясь, как кролик.

«Ты так сильно ее хочешь?» Фу Хань казался в приподнятом настроении.

Цзи Циньюй, растерянный и взволнованный, не мог вымолвить ни слова. Он прыгал, пока не запыхался, и был на грани слез от дразнилок Фу Ханя. Жар, смущение, гнев — он не мог понять, какое из этих чувств было сильнее. В конце концов, все, что он слышал, был смех Фу Ханя.

Лицо Цзи Циньюя горело. Фу Хань положил одну руку на волосы Цзи Циньюя, а другой держал книгу, листая еще несколько страниц одной рукой. Сенсорное воздействие было сильным; Фу Хань даже мог слабо почувствовать тонкий запах дождя в воздухе — феромоны Цзи Циньюя.

«Не ожидал, что тебе нравится такое», — заметил Фу Хань, неторопливо оценивая книгу. «Я думал, ты хороший парень».

Цзи Циньюй стоял как вкопанный, наконец раздражившись. Он даже не хотел больше эту книгу — он просто хотел уйти. Но Фу Хань схватил его за воротник и потянул назад. «Теперь, когда я обнаружил такой секрет, разве ты не должен предложить мне что-нибудь, чтобы я держал рот на замке?»

«Ты... ты...» — заикался Цзи Циньюй, сжимая кулаки, глаза его покраснели от расстройства. Он был так расстроен, что ему хотелось плакать. Он знал, что нехорошо подглядывать за такими вещами, но то, что делал Фу Хань, было еще хуже. Он хотел ударить Фу Ханя по лицу, но не осмелился этого сделать.

«Я что? «Ты такой надоедливый, ты такая заноза в заднице, как ты можешь так себя вести?» — Фу Хань подражал тону Цзи Циньюя, его голос был легким и неторопливым, а на губах играла насмешливая улыбка.

«Чего ты хочешь?» — Цзи Цинъюй сдался, опустив голову и тихо ругаясь про себя. «У меня нет денег...»

«Ничего страшного», — сказал Фу Хань, задумчиво поглаживая подбородок. «Спой мне песню».

«Ту, которую ты пел на сцене. Я пришел как раз тогда, когда ты собирался закончить. Спой ее для меня еще раз, с самого начала». Фу Хань повертел книгу в руках, а затем бросил ее обратно в объятия Цзи Цинъюя. «Я хочу услышать полную версию».

Он нашел чистое место у ствола дерева, откинулся назад, скрестил руки и выглядел как неторопливое магнолиевое дерево. Его светлая, фарфоровая кожа была покрыта тенями, а на лице падали пятна света.

Цзи Цинъюй безучастно смотрел на него, и ему потребовалось много времени, чтобы опомниться. Он начал нервно петь, а Фу Хань медленно закрыл глаза и с расслабленным видом прослушал всю песню.

«Неплохо», — прокомментировал Фу Хань.

Цзи Цинъюй нервно сглотнул и не ответил.

Свет и тени сложились в прозрачное, похожее на призму стекло, окружив их обоих. Цзи Цинъюй почувствовал себя неловко и не знал, что сказать, поэтому повернулся, чтобы уйти. На этот раз Фу Хань не остановил его. Его мысли были в беспорядке, и он долго шел, не останавливаясь.

Лето в Минде было жарким, жара поднималась волнами. Перед глазами Цзи Цинъюя плавали туманные, похожие на пар иллюзии, из-за которых все казалось нереальным.

За углом учебного корпуса Цзи Цинъюй столкнулся с девушкой-омегой. Она казалась еще более взволнованной, чем он, и поспешно извинилась, прежде чем направиться в сторону парка.

Цзи Цинъюй с опозданием ответил: «Все в порядке».

Он постоял на месте, затем внезапно почувствовал, что что-то не так, и развернулся, чтобы бежать обратно.

Ветер поднял подол его одежды, когда Цзи Цинъюй ускорил шаг. Только когда он увидел, как омега сняла ошейник и подошла к Фу Ханю, который дремал на каменной скамейке, он вышел из оцепенения и замер на месте, как будто кто-то нажал на паузу.

Он колебался, беспомощно наблюдая, как омега наклонилась, чтобы поцеловать Фу Ханя в щеку. Его грудь словно пронзила мощная доза сильной кислоты. Цзи Цинъюй снова понял, что был слишком самонадеян.

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/15790/1413143>